

Управление идентичностью

Любая идентичность есть итог сложных социальных отношений и воздействий, в совокупности которых значимое место занимают управленческие.

В современном глобализованном мире вся совокупность идентификационных ориентиров и самих идентичностей пребывает в состоянии перманентных преобразований. Система социально-экзистенциального позиционирования и индивида, и общности теряет прежнюю определенность и становится объектом конструирования как со стороны самой себя, так и со стороны внешних для нее субъектов политики или вследствие трансформации идентичности. В статье рассматриваются концептуальные вопросы управления идентичностями.

Митрошенков Олег Александрович — заместитель заведующего кафедрой Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор философских наук, профессор.

Любая *идентичность* (социальная, культурная, гражданская, этническая, национальная, политическая, религиозная, геополитическая, психосоциальная, профессиональная, личностная и многие другие типы идентичности) помимо того, что она продукт сложных взаимодействий культуры, истории, множества факторов и общественных процессов, есть еще и результат сознательного целевого воздействия и *управления* со стороны социальных субъектов. Иначе говоря, любая идентичность есть итог сложных социальных отношений и воздействий, в совокупности которых значимое место занимают управленческие.

Управление применительно к идентичностям означает, что они могут более или менее осознанно, целенаправленно конструироваться, форматироваться, переформатироваться. В разные времена такое управление преследовало разные цели. Так, сегодня политика формирования идентичности используется (государством, церковью, элитой, СМИ, политическими субъектами и т.д.) преимущественно как инструмент выстраивания поля социальной коммуникации между носителями разных культур, религий, ценностей, идей, предпочтений и т.д. Хотя не исключаются и иные цели, например утверждение одной идентичности в ущерб другой вплоть до устранения носителей последней.

Сама по себе мысль о конструировании идентичностей не нова. После основателя теории идентичности Э. Эриксона, считавшего идентичность в целом изменчивой, пожалуй, одной из первых концептуально осмысленных моделей смены идентичности является идея «осевого времени» К. Ясперса. Осевое время — эпоха между 800 и 200 гг. до н.э., когда действовали первые греческие философы, древнеизраильские пророки, основатели зороастризма в Иране, буддизма и джайнизма.

ма в Индии, конфуцианства и даосизма в Китае. Это движение, заметил С. Аверинцев, «высветлило словом и мыслью тяжеловесные массы безличной „доосевой“ культуры и создало идею личностной, экзистенциальной ответственности перед лицом анонимного бытия-в-мире; тем самым оно создало для будущих поколений всечеловечески-общезначимый завет, сравнительно с которым христианский является лишь более поздним отражением» [1]. Однако К. Ясперс ничего не говорит об управлении процессом смены идентичности, если не считать таковым деятельность ведущих фигур осевого времени по распространению своих идей.

Поэтому существенен вопрос не только о том, что именно конструируется или деконструируется и даже какие механизмы при этом используются, но и о том, как и в какой степени этими процессами можно управлять. Особенно если речь идет о коллективных идентичностях.

Идентичность формируют и корректируют (конструируют и деконструируют) как множество внешних естественных, органических факторов, так и субъективно направляемые и управляемые воздействия. Среди первых — общество, культура, история, религия, география, ментальность общностей, язык, время, пол и т.д. Вторая группа факторов, воздействий и влияний — координируемые, управляемые усилия и действия социальных субъектов, институций и акторов по формированию и переформатированию конкретных характеристик идентичности в сторону желаемых или заданных.

Методологически разделить эти факторы непросто. В первой группе все факторы так или иначе проявляются в деятельности социальных субъектов и конкретных людей, немислимы вне и без них. Совокупность факторов второй группы испытывает на себе воз-

действие всего комплекса факторов первой. Однако исследование того, что происходило и происходит с идентичностью в прошлом и современном мире, все же обуславливает необходимость более предметно всмотреться в управленческие действия людей по поводу этой идентичности и выявить наиболее эффективные или неудачные социальные практики человечества, направленные на деконструкцию, смену, коррекцию, переформатирование идентичностей во всех их проявлениях. Это, разумеется, невозможно осуществить во всей полноте в рамках одной статьи, однако наметить контуры проблемы все же реально.

Даже процесс воспитания и образования детей в семье, детском саду, школе или вузе есть формирование и переформатирование людей и контуров их идентичности.

В контексте перманентных преобразований идентификационных ориентиров и самих идентичностей вся система социально-экзистенциального позиционирования и индивида, и общности, формирующая их социальный габитус, теряет прежнюю определенность и становится объектом конструирования как со стороны самой себя, так и со стороны внешних для нее субъектов политики идентичности.

Мысль о том, что идентичности можно конструировать и, соответственно, управлять ими, в философской и научной литературе и социальной практике не отрицается и скорее признается, поскольку довольно часто речь идет о концепциях, моделях, стратегиях формирования идентичности какой-либо страны, необходимости целенаправленной и осмысленной «государственной политики идентичности», конструировании той или иной позитивной или нейтральной негативной характеристики какой-

либо идентичности и даже о борьбе за идентичность и т.д. [2].

Правящие элиты стремятся придать государственному или национальному развитию новые импульсы путем формирования «проектной» идентичности и соответствующего социального запроса на нее. Так, М. Кастельс в изданной в 1997 г. книге «Power of Identity» выделяет три типа идентичности: легитимизирующую, сопротивления и проектную. Первый тип порожден индустриальным социумом с его традиционным пониманием гражданского общества и национального государства, второй обусловлен переходом к новому типу цен-

ностей, создаваемых локальными общностями, третий вызван формированием субъекта, личности. В постиндустриальном обществе идея защиты личности, ее самобытности, культуры заменяет идею классовой борьбы [3].

Наднациональные органы Западной Европы, Евросоюз трудятся над формированием общеевропейской идентичности. Активно обсуждается тема целенаправленно реализуемых программ, стратегий, которые были бы способны привить конкретным группам и общностям (молодежи, иммигрантам, радикальным группировкам, гражданам и т.д.) определенную модель идентичности — гражданской, этнической, профессиональной, политической и т.д. [4]. Предпринимаются попытки определить наилучший сценарий идентификационной политики.

Существуют и развиваются различные теории, модели и даже технологии, например манипу-

лирования, идеологического или рекламного воздействия на огромные массы людей, имеющего целью смену отдельных компонентов идентичности.

Однако собственно философского анализа управленческого аспекта применительно к идентичности нам, честно говоря, встречать не приходилось. Возможно, у автора все еще впереди. Идентичность и управление как философская и научная проблемы существовали и существуют в социально-гуманитарном пространстве, похоже, сами по себе, по отдельности. Вероятно, потому, что их взаимодействие предполагается сама собой разумеющейся, очевидной. Однако с учетом

на, в том числе и идентичности — как собственной, так и окружающих людей. Иногда это совпадает с их замыслами, иногда нет. В этом смысле даже процесс воспитания и образования детей в семье, детском саду, школе или вузе есть формирование и перестройка идентичности. Сюда же относятся и самовоспитание. Мартин Иден, Николай Островский, прикованный к инвалидному креслу британский физик Стивен Хокинг и даже вытаскивающий себя за косичку из болота барон Мюнхгаузен в этом не одиноки. Человек, прошедший фронттовую или университетскую вычку, обретает иную идентичность, нежели индивид, попавший в криминаль-

которых предусматривает деятельность в условиях ограниченных ресурсов и сроков и определенных рисков (высоких или низких), а также обеспечение необходимого качества конечного результата, чаще всего уникального. Управленческая теория и практика выработали такую область знания и деятельности, как управление проектами (*project management*) — определение и достижение некоторых целей и результатов при балансировании между объемом работ, ресурсами (деньги, труд, материалы, энергия, пространство и т.д.), временем, качеством и рисками в рамках проектов. Существенным фактором успеха управления проектами выступает наличие плана, минимизации рисков и отклонений от него, эффективного управления изменениями. В этом состоит его главное отличие от обычного процессуального или функционального управления.

«Классическим» образцом насильственного изменения социокультурной, политической, этнической, национальной, религиозной идентичности, завершившимся практически на наших глазах, является феномен Косово.

того, что в исследовании и идентичности, и феномена управления и его возможностей по отдельности исследователи продвинулись довольно далеко, такое положение (то есть их рассмотрение порознь) сегодня и теоретически, и практически недостаточно и выглядит скорее недоразумением. Хотя относительно идентичности я разделяю точку зрения, в частности, М.В. Тлостановой о том, что в классическом виде эта проблема в социально-гуманитарном знании либо исчерпала себя, либо близка к исчерпанию [5]. Сегодня здесь нужна совершенно другая постановка проблемы, иные подходы и парадигмы.

Осознанно-целевой, управляемо-направляемый, технологичный и результативный характер деятельности человека обуславливает изменение любой реальности, на которую она направле-

ное сообщество. В любом случае найдутся наставники, лидеры, которые соответственно ситуации существенно и направленно повлияют на процесс трансформации идентичности как отдельных людей, так и их сообществ.

Присутствие в жизнедеятельности общества и человека, в том числе в наличных и формирующихся идентичностях осознанного, целевого начал, а также управленческого и технологического элементов дает основания рассматривать идентичности как проекты, которые люди реализуют с большим или меньшим успехом. Действия по их изменению также означают реализацию некоего проекта.

Под *проектом* в общем виде понимается некоторый замысел, а также совокупность идей, целей, значений, смыслов, достижение

Разумеется, управление изменениями в идентичности, понимаемое как реализация социокультурного проекта, происходит иначе, нежели где-нибудь в бизнесе или государственной корпорации. Здесь, понятно, с «планами», «отклонениями», вообще с характером и природой деятельности дело обстоит сложнее в том смысле, что зафиксировать их так же, как это делается в бизнесе или на госслужбе, довольно трудно. Хотя, по правде сказать, элементы планов и отклонений от них все же в каком-то виде могут иметь место. Особенно если под идентичностью понимать не только и не столько свойство, сколько отношение. Но в любом случае такое управление предполагает реализацию некоторых целей и достижение конкретных результатов.

Если под идентичностью подразумевать, по В. Хесле, «сохранение формы объекта во времени» [6] на основе удержания некоего порождающего принципа, то смена этого принципа (а он неизбежно меняется) создает предпо-

сылки и условия для смены самой идентичности.

Так, проект (принцип) гражданского общества, концептуально оформленный в трудах, в частности, Т. Гоббса и Д. Локка и сменивший прежние проекты (принципы) социального устройства (абсолютизм, вассалитет, синкретизм властей и т.д.), привел в действие имеющиеся ресурсы в части западного (англосаксонского и романо-германского) мира, однако для его действительной реализации потребовались осознанные и целенаправленные усилия по изменению социокультурной, гражданской, политической идентичности народов, составляющих западные общества. Хотя уже сам по себе этот проект означал некоторое реформирование существующих элементов идентичности (европейской). Именно этой логике и этой цели (хотя не только им) подчинялись, в частности, европейское Просвещение, изменения в законодательстве, буржуазные революции, напряженная идейная и политическая жизнь, борьба и т.д. Еще раньше в русле этой логики действовали мыслители Возрождения. Все эти феномены сопровождались управленческими усилиями.

В этом смысле, в частности, Просвещение, несомненно, удалось,

потому что в результате идентичность (или отдельные ее характеристики) изменилась самым радикальным и в целом адекватным образом. Гражданское общество было построено, что стало успехом Запада, идентичность людей в основном стала соответствовать принципам гражданского общества. Поэтому более поздняя резкая критика Просвещения со стороны европейских (и не только) интеллектуалов, в немалой степени оправданная, все же не всегда справедлива, поскольку заставля-

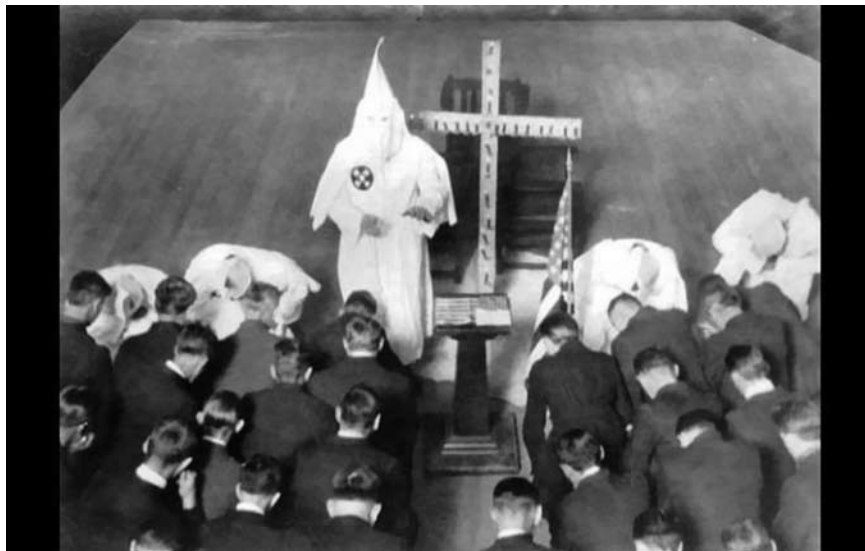
ет вспомнить, во-первых, выражение о крепости «заднего ума» и, во-вторых, о слишком больших социальных, культурных, политических ожиданиях, которые в условиях неизменного — константного — сопротивления социальной реальности всегда оправдываются лишь частично.

Похожим образом можно рассматривать такие выдающиеся и в существенной мере воплощенные в действительность проекты лучших умов человечества, как «демократия», «правовое государство», «разделение властей», «конституционализм», «Вечный мир» И. Канта (правда, о подсту-

пах к реализации этой идеи еще говорить не приходится, это пока скорее концепт, нежели проект), изменившие идентичности огромного количества людей.

В мировой истории имеются впечатляющие прецеденты, свидетельствующие о том, что идентичности подвергались изменениям в результате осознанных управленческих усилий. Соответственно, можно проследить и исследовать, как это происходило и происходит.

Так, возникновение и шествие христианства как «вочеловечившегося Логоса» (С. Аверинцев) медленно, постепенно деконструировало и сменило религиозную идентичность множества языческих народов (где добрым словом, где огнем и мечом) на огромных территориях мирового пространства. Этот процесс шел не сам по себе, а подчинялся управлению. Сначала он (процесс) имел центр управления и воздействия в лице соратников Христа, апостолов, затем в виде церкви (сначала единой, потом католической, православной, протестантской) и ее иерархически сетевого устройства. В целом этот социокультур-

ный и религиозный «проект» оказался успешным, что, впрочем, не избавило его от множества внутренних жесточайших противоречий, кризисов, реформаций, расколов, проявившихся на протяжении более чем двадцати веков вовсе не в христианских действиях и поведении и «ударных» отрядов церкви крестоносцев, и церковной элиты, и инквизиции, и многих рядовых и не рядовых верующих. Успех заключался в том, что христианская вера победно шествовала по всему свету много сотен лет и сегодня охватывает собой более 2,1 млрд человек и все континенты и страны мира. Многие христиане именно благо-

даря обретенной вере и религиозной идентичности за долгие века явили миру образцы духовного мужества и стойкости.

Это относится и к буддизму, и к исламу, ставшим мировыми религиями.

Конструирование христианской идентичности шло как естественно-органическим, так и насильственным путем. Трудно сказать, чего в истории человечества было больше. Однако в силу того, что Запад опережал многие регионы мира в своем развитии, он обладал исторической инициативой во взаимодействии с ними и со-

ответственно западная идентичность преимущественно доминировала очень часто через насилие, причем не только в связи с утверждением христианской идентичности.

Так, сознательно направляемый и вполне управляемый европейцами — англичанами, испанцами, голландцами, португальцами и т.д. (христианами, к слову) процесс работорговли, сопровождавшийся перемещением из Африки на Карибские острова и в Северную и Южную Америку в XVI–XIX вв. миллионов африканцев, насильственно изменил социальную, культурную, этническую, религиозную идентичность как самих перемещаемых, так и местных жителей, а также их потомков. Здесь, разумеется, важны были рабы как таковые, как рабочая сила, поэтому их африканская идентичность, никому не нужная, жестоко подавлялась и вместо нее вбивалась, насаждалась рабская идентичность — в чисто экономических интересах («ничего личного, только бизнес»). Последующим поколениям рабов, силой отчужденным от территории, культуры, языка, религии их предков, уже мало что напоминало об этой африканской идентичности (хотя что-то, разумеется, оставалось — от генетики, цвета кожи, психотипа, танцевальных ритмов, культов

вроде вуду и т.д.). По сей день проблема африканского происхождения части теперь уже коренных граждан США является «пунктом», оселком, которым проверяется политкорректность и толерантность значительной части остального населения страны. Иначе говоря, даже в этом плане едва ли можно считать завершенной «деколониализацию» американского (разумеется, не только американского) со-

Слишком неуступчивыми и самобытными для Западной Европы были на протяжении веков Сербия и ее православный народ.

знания, если изъясняться языком идейного течения, называемого деколониальной философией.

Как видим, осознанные усилия по смене идентичности могут быть как положительного, так и отрицательного свойства. Впрочем, ни одна из приведенных иллюстраций, как и все в обществе, не может быть охарактеризована, исследована и понята в рамках одной-двух парадигм или объяснительных схем, тем более в манихейской дихотомической логике «позитивное — негативное», давно уже устаревшей теоретически, методологически, эпистемологически, морально. Это не значит, что в социуме не должно быть некоторых абсолютов и табу — «не убий», «не укради» и т.д., исключение инцеста, каннибализма и т.д. Без них социуму грозят распад и дезорганизация.

Итак, сконструированные пророками, мудрецами, мыслителями, религиозными и государственными деятелями концепты, принципы, парадигмы, системы идей, а также целенаправленные усилия по изменению идентичности огромных масс людей (в разных целях) складывались в некоторый проект — социальный, социокультурный, религиозный, были возможны уже в далекие библейские времена и, по-видимому, даже раньше. Очевидно, 40 лет

хождения по пустыне евреев под водительством пророка Моисея означали стремление искоренить рабскую идентичность и обрести новую, основанную на свободе: по крайней мере, так говорит одна из интерпретаций этой ветхозаветной истории. В нынешние гораздо более продвинутые в технико-технологическом и информационно-коммуникативном плане времена подобных возможностей

намного больше и воздействие на идентичность способно стать (хотя и не всегда) в высшей степени продуктивным.

«Классическим» образцом насильственного изменения социокультурной, политической, эт-

нической, национальной, религиозной идентичности, завершившимся практически на наших глазах, является феномен Косово. С XIII в. край Косово — центр сербской государственности и религиозности. Однако после поражения сербской войска в битве с армией Османской империи на Косовом поле в 1389 г. и окончательного захвата Косово турками в 1454 г. начался отток сербского населения и экспансия албанского мусульманского. К 1990-м годам удельный вес последнего составил 82%, в 2007 г. — 92%. После этого вопрос о какой-либо идентичности, имеющей сербское происхождение в Косово, утратил свое значение. Проект, поддерживаемый в течение веков Турцией, а на последнем этапе Западной Европой, успешно завершился. Сербь практически ни на что в нем уже не могут рассчитывать, разве что на чудо.

Здесь, разумеется, можно возразить: идентичность сербов не изменилась, они оказались просто изгнанными из Косово. А это совсем не то, что называется сменой идентичности. И вообще не следует путать демографию с идентичностью. В целом это верно, но не во всем. Идентичность сербов все же изменилась. К унижению, испытанному в результате поражения на Косовом поле в 1389 г., добавилось унижение, связанное с грубым изгнанием их из Косово в 1990-е годы, поддержкой этого

ции и Волыни — части Западной Украины. Более пяти веков находившиеся под давлением и управлением Польши, Австро-Венгрии их жители, считавшие себя русскими, были оторваны от экономического и культурного развития русского и малороссийского народов. Ватикан, Варшава и Вена стремились уничтожить родственные узы, религиозную, языковую и культурную общность жителей Галиции и Волыни с русским народом, Россией, вытравить у них все проявления русскости [7].

ции было для Вены и самоцелью, и средством реализации антироссийских замыслов. Галичане должны были стать и инкубатором русофобских идей для Украины, и крестоносцами, призванными завоевать ее для Вены. На этом пути просвещенной Австрии были и виселицы, и казни, и концентрационные лагеря Терезин и Талергоф, и запрет на профессии по национальному признаку, и навязывание нового языка и т.д.

Галичане должны были стать и инкубатором русофобских идей для Украины, и крестоносцами, призванными завоевать ее для Вены.

изгнания Западом, фактическим отторжением края от Сербии и признанием его независимым государством в 2000-е годы, готовностью политической элиты страны на любые уступки ради вступления в Евросоюз. А это именно то, что требовалось, поскольку слишком неуступчивыми и самобытными были на протяжении веков Сербия и ее православный народ для Западной Европы¹.

Элементы подобного сценария, кстати, не исключаются и для самих стран Запада, в которых, по признаниям их лидеров (Германии, Франции, Великобритании), политика мультикультурализма провалилась. Нарастание удельного веса чужеродного населения в этих странах способно самым серьезным образом изменить идентичность коренного населения. В Париже уже сегодня встретить коренного француза европейского происхождения не так просто.

Еще одним прецедентом целенаправленного насильственного (и весьма успешного) изменения национальной, религиозной, языковой, культурной идентичности в геополитических целях является драматическая история Гали-

Первым шагом в этом направлении стала Брестская уния 1596 г., подорвавшая православные основы духовного бытия галичан и способствовавшая смене их идентичности. «Фактически Брестская уния положила начало формированию на западно-украинских землях отдельного народа со своей духовностью и культурно-исторической традицией» [8]. Отказ от веры предков заложил в основу смены идентичности предательство. И в дальнейшем становление удобного Варшаве и Вене этноса представляло собой непрерывную цепь измен. Вслед за верой жертвами стали язык, культура, история и даже собственное название (рутены, украинцы вместо русинов, русских) [9]. Предательскую роль в деле перерождения идентичности русского населения западно-украинских земель сыграла галичанская элита.

Императору Францу-Иосифу I удалось заквасить галичанскую идентичность на антироссийских дрожжах. Его русофобия отчеканилась в формуле: «Наше будущее — на Востоке, и мы загоним могущество и влияние России в те рамки, за которые она вышла. Наш естественный враг на востоке — Россия» [10]. Перерождение Гали-

Этот проект по насильственному разотождествлению, распределению, то есть по смене идентичности сотен тысяч людей, безусловно, удался. История показала, что значительная часть населения, элита Галиции оказалась враждебно настроена по отношению к России, что проявляется и в наши дни. Отдельные очаги русскости и русской идентичности в Галиции носят мерцающий характер — не в том смысле, что эта идентичность множественна и высветливается разными гранями, а в том, что она остаточна, фрагментарна и постепенно затухает, испытывая давление и неощущая поддержки. Оставшиеся немногочисленные русины сегодня испытывают в Западной Украине громадные трудности и сопротивление в проявлении собственной идентичности.

Эти и многие другие исторические сюжеты (например, действия Польши по колонизации населения Западной Украины и Западной Белоруссии в 1920–1939-е годы) показывают, что смена идентичности может происходить в процессе жесткого, силового управленческого воздействия на нее.

Возможна смена идентичности в результате воздействия «мягкой мощи» (*soft power*).

Крестовые походы, религиозные войны и расколы, инквизиция, работорговля, первоначальное накопление капитала, ку-клукс-клан, революции, фундаментализм, на-

цизм, фанатизм, коллективизация сельского хозяйства, шоковая терапия в России (растянутая на двадцать и более лет), закрытие национальных школ и СМИ, ограничение употребления языка и т.д. — варианты попыток *жесткой* смены идентичности.

Привнесение письменности, религиозные миссионеры, радио «Свобода», музыка «Битлз», джинсы, пепси-кола, «Макдональдс», «Плейбой», джаз, ликвидация безграмотности, общество потребления, Интернет, экономическая и информационная экспансия (европейская, американская, китайская) во все регионы мира, гламуризация разных сфер социума и т.д. — воздействие на идентичность и изменение ее характеристик посредством «мягкой мощи».

Оба подхода осуществляются в процессе управления, оба могут быть успешными, однако прояв-

ления успешности при этом оказываются разными. Использование «мягкой мощи» в воздействии на идентичность более органично и действенно, происходит постепенно, и процесс смены или деконструкции идентичности растягивается на более продолжительное время. Для применения «мягкой мощи» ее носитель должен быть достаточно сильным, чтобы полагать ее более эффективной и не скатываться к силовым методам. Однако чаще всего обладание силой искушает к ее использованию. **ES**

ПЭС 11155/17.10.2011

Окончание следует

Примечание

1. Описание процессов, связанных с феноменом Косово, не претендует на полноту, глубину и точность расстановки акцентов. Для этого нужно больше времени и места. Это описание подчинено целям статьи.

Литература

1. Аверинцев С. Ясперс // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2010. Т. 4. С. 516.

2. См., в частности: Гофман А.Б. В поисках утраченной идентичности // Вопросы социальной идентичности: научный альманах. 2010. Т. IV; Человек в поисках идентичности / Под ред. Ю.М. Резника и М.В. Тлостановой. М., 2010. С. 252; там же: Астафьева О.Н. Реструктуризация и демаркация коллективных идентичностей. С. 259; там же: Резник Ю.М. Человек гражданский: проблемы идентичности. С. 316–325; Российская идентичность в условиях трансформации. Опыт социологического анализа / Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. М., 2003; Дробужева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в России. М., 2003; Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Постсоветский человек и гражданское общество. М., 2008. В целом массив литературы по этому аспекту проблемы огромен и полному перечислению и обзору не поддается.

3. Castells M. The Power of Identity. Oxford: Blackwell. 1997.

4. Попова О.В. Развитие теории политической идентичности в зарубежной и отечественной политической науке / Отв. ред. И.С. Семенов, Л.А. Фадеева // Идентичность как предмет политического анализа: Сб. статей. М., 2011. С. 17.

5. В порядке полемики // Вопросы социальной идентичности: Научный альманах. 2010. Т. IV; Человек в поисках идентичности / Под ред. Ю.М. Резника и М.В. Тлостановой. М., 2010. С. 452–453.

6. Хесле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. 1995. № 12. С. 23.

7. Фомин А.И. Станет ли Украина большой Галичиной? // Свободная мысль. 2009. № 11. С. 75.

8. Толочко П. О «хорошем» Западе и «плохом» Востоке. Киев, 2008. С. 19.

9. См.: Фомин А.И. Указ. соч. С. 75.

10. См.: Фомин А.И. Указ соч. С. 76.